

- При этом окружающие дети, испытавшие первоначальный испуг, вызванный физическим отторжением, после его весьма быстрого преодоления, демонстрировали повышенную толерантность к присутствию и общению с инвалидами.

- Возвращение к примитивным формам поведения со стороны участников программы, обусловленное неадекватным самопринятием, актуализации эгоцентризма и специфическим темпом психической коррекции, привело к демонстрации ими амбивалентных реакций, носящих яркий и непредсказуемый характер, который замедлял темпы психокоррекционной и развивающей деятельности психологов.

Перечисленные тенденции внесли коррективы в уже разработанную программу «Я - профессионал», но в тоже время позволили сделать ее воздействие более эффективным и актуальным.

Исследование коммуникативной направленности мышления

(«Модифицированная методика определения понятий»

А.Б. Холмогоровой) и эмоциональной дезадаптации у студентов.

Блохина Е.Т., Пуговкина О.Д.

МГППУ, Москва, Россия

В настоящее время отмечается значительный рост числа аффективных расстройств среди студенческой молодежи [А.Б.Холмогорова, 2011; Е.И.Чехлатый, 2006]. Повышенный риск эмоциональной дезадаптации среди студенческой популяции, ее негативные последствия диктуют необходимость изучения психологических факторов эмоциональной дезадаптации.

В настоящее время, как отмечают А.Б. Холмогорова и В.К. Зарецкий [2010], при исследовании механизмов аффективных расстройств и эмоциональных нарушений многие психологи отмечают важную роль когнитивных структур. В качестве основного предмета исследования зарубежных психологов можно выделить способность к построению, осознанию и изменению внутренних репрезентаций психических состояний как собственных, так и состояний другого человека, описываемого с помощью понятий ментализации, эмоционального и социального интеллекта, способность к психологизации (psychological mindedness) и др. [А.Б.Холмогорова, В.К.Зарецкий, 2010]. В отечественных исследованиях в качестве сходного теоретического конструкта выделяют способность к рефлексии, как одного из аспектов саморегуляции мышления [Б.В.Зейгарник, 1989].

В настоящей работе было предпринято исследование уровня эмоционального благополучия студентов и особенностей их мышления, а именно рефлексии и коммуникативной направленности мышления.

В исследовании приняли участие 40 студентов психологического вуза. Были использованы методики А.Бека (опросник тревоги и депрессии) и опросник С.Сарасона (Опросник экзаменационной тревожности) для определения качества эмоционального благополучия у студентов, а также Модифицированная методика определения понятий [А.Б.Холмогорова, 1983] для изучения коммуникативной направленности мышления.

Испытуемым предлагалось определить или описать с помощью любых признаков 7 понятий, так, чтобы человек того же возраста и образования мог легко и однозначно догадаться, о каком предмете идет речь. Методика состоит из двух серий: в первой серии испытуемые самостоятельно определяли понятие, а во второй серии – выбирали из предложенного списка признаков, причем необходимо было выбрать как можно меньшее количество признаков.

Каждое определение, данное испытуемыми, оценивалось по следующим критериям: 1) количество выделенных признаков и 2) точность описания. Точность описания кодировалась баллами от одного до пяти: от 1 – «абсолютно невозможно догадаться», до 5 – «понятие определено абсолютно точно». Отдельно подсчитывались недостаточные ответы (не включающие родового или другого существенного признака), избыточные ответы (включающие более одного-двух несущественных, конкретных признаков), а также ответы, содержащие культурные метки.

Было обнаружено, что «эмоционально благополучные» студенты (по данным опросника тревоги и депрессии А.Бека) дают значимо более точные определения понятиям в обеих сериях эксперимента по сравнению со студентами с высокой степенью выраженности симптомов эмоционального неблагополучия ($p < 0,05$).

Зафиксированы различия по количеству признаков в определении понятий. Так, среднее количество признаков (подсчитанное для всех 7 понятий) в подгруппе «эмоционально благополучных» студентов – 20,7 в первой серии и 12,7 во второй серии эксперимента. В подгруппе «эмоционально неблагополучных» студентов – 27,5 и 16,2 признака соответственно (различия значимы, $p < 0,05$).

По данным корреляционного анализа было обнаружено, что студенты с высокими показателями экзаменационной тревожности в первой серии дают больше количество признаков в определениях понятий, и у них чаще

встречаются избыточные ответы в первой серии эксперимента, где предлагается самостоятельно придумать определение (коэффициент корреляции 0,39 и 0,46 соответственно на уровне значимости $p=0,01$).

Сравнивая результаты первой и второй серии эксперимента, следует отметить, что в целом все студенты, вне зависимости от качества эмоционального благополучия чувствительны к предлагаемой инструкции, что говорит о качестве саморегуляции мышления. Так, у всех испытуемых зафиксировано изменение деятельности: от первой серии ко второй точность возрастает, количество признаков и избыточных ответов уменьшается, количество культурных меток возрастает. Можно предположить, что инструкция во второй серии эксперимента снимает часть неопределенности задания (в первой серии задан только один критерий качества ответа), что позволяет студентам с высокой выраженностью тревоги и депрессии лучше организовать свою деятельность.

Таким образом, можно констатировать связь способности к коммуникативной перестройке мышления и качества эмоционального благополучия в обследованной группе студентов. Экспериментально зафиксированные более высокие способности к точному, экономичному определению понятий, смене позиции в общении у «эмоционально благополучных» студентов могут служить фактором более конструктивного общения в учебной деятельности, как в ситуации «студент-студент», так и «студент-преподаватель», и снижать выраженность тревоги в интерперсональных учебных ситуациях (в том числе, экзаменационных).

Важно отметить, что использование экспериментальных методик и приемов дополняет и существенно обогащает данные опросниковых, количественных измерений.

Литература

1. Холмогорова А.Б. Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра. – М., 2011.
2. Чехлатый Е.И. Исследование копинг-механизмов у студентов вузов в связи с задачами первичной психогигиены и психопрофилактики // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М.Бехтерева. – 2006. – № 2.
3. Холмогорова А.Б., Зарецкий В.К. Может ли быть полезна российская психология в решении проблем современной психотерапии: размышления после XX конгресса интернациональной федерации психотерапии (IFP). [Электронный ресурс] // Медицинская психология в

России: электрон. науч. журн. 2010. N 4. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения: 21.12.2010).

4. Зейгарник Б.В. Патопсихология. – М., 1989.
5. Холмогорова А.Б. Нарушения рефлексивной регуляции познавательной деятельности при шизофрении: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1983.

Экстериоризация и проекция в беседе с больным в патопсихологическом эксперименте

Бурлакова Н.С.

МГУ имени М.В.Ломоносова, ф-т психологии, Москва,Россия

Особенность патопсихологического эксперимента состоит в моделировании «реального пласта жизни со всеми своими нюансами» [1; с.377], это определяет его осмысленность и адекватность, позволяет делать выводы о целостном личностном функционировании больного. Во многом создание подобной особой экспериментальной ситуации становится возможным посредством организации беседы, сопровождающей встречу психолога и пациента, которую вместе с тем достаточно сложно фиксировать и впоследствии осмыслять. В первом смысле слова о беседе говорится в обычном синкретическом смысле; во втором – беседа означает те способы контролируемого экспериментатором общения, посредством которого он организует патопсихологический эксперимент. В материалах, которые описаны Б.В.Зейгарник[2,4] и С.Я.Рубинштейн[3], содержатся общие рекомендации в отношении выстраивания беседы с больным. Поэтому вопрос о том, какого типа данные можно получать в беседе, сопровождающей патопсихологическое обследование, как можно рефлексировать сам ее процесс требует дальнейшей разработки и понимания.

На наш взгляд, беседу в контексте патопсихологического обследования больного можно представить себе как взаимодействие как минимум двух процессов – организации проекции и организации экстериоризации. Экстериоризация всегда предполагает выражение мысли для Другого в ситуации понимания данного высказывания. Если экстериоризация носит произвольный характер, предполагает некоторое усилие, проявляющееся в рационально контролируемой ситуации, то проекция, напротив, имеет спонтанный, реактивный характер и часто проявляет себя в некотором смысловом смещении, особом ударении и сопровождающей его реакции, ей соответствует слабо объективированная душевная реальность. Поскольку